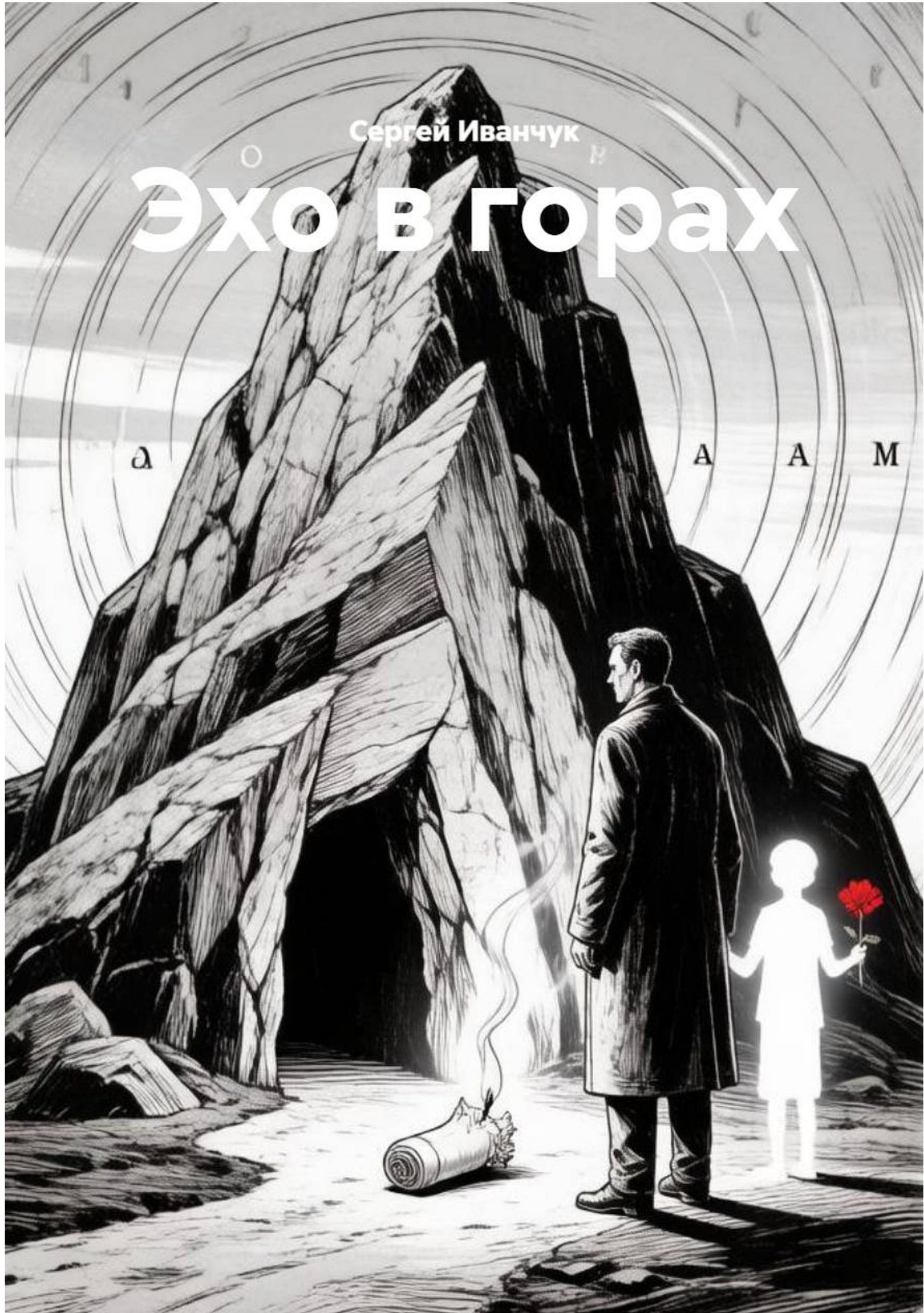

Сергей Иванчук

Эхо в горах

Сергей Иванчук

Эхо в горах

«Автор»

2026

Иванчук С.

Эхо в горах / С. Иванчук — «Автор», 2026

Он родился седьмым — лишним ртом в бедной семье. Его отдали чужим людям, чтобы заменить умершего ребёнка. С тех пор он живёт с ощущением, что место, которое занимает, изначально принадлежало другому. Всю жизнь он пытается заслужить любовь. Быть удобным, полезным, незаменимым. Он верит: если достаточно сильно стараться, холод приёмной матери однажды отступит. Но лёд не тает. И однажды, в кабинете психотерапевта, ему предстоит услышать правду, которую он прятал от себя почти сорок лет. «Любовь — это не эхо» — пронзительная повесть о травме отвержения, о том, как мы годами греем холодные стены, и о мужестве перестать кричать в пустоту. Текст написан на основе реальной психотерапевтической работы (с согласия клиента, все детали изменены).

© Иванчук С., 2026

© Автор, 2026

Сергей Иванчук

Эхо в горах

Любовь — это не эхо. Она не рикошетит от холодных стен

Повесть по мотивам психотерапевтической работы.

Текст написан по мотивам реальной психотерапевтической работы. Создано при помощи искусственного интеллекта. Фабула, диалоги и редакция — авторские. Имена, обстоятельства и детали изменены в соответствии с художественным замыслом и в целях сохранения конфиденциальности.

Эпиграф

«Можно всю жизнь простоять у скалы, ожидая, что эхо станет громче. Но скалы не отвечают. Они только отражают».

Часть первая. Седьмой

Он родился седьмым. В доме, где считали детей по головам, как мешки с картошкой — хватит, не хватит, прокормим, не прокормим. Седьмой — это уже не радость, это лишний рот. Но подвернулся случай: старый друг отца, дядя Коля, потерял сына. Мальчику было пять, когда лихорадка скрутила его за три дня и унесла, оставив в доме тишину и неподвижный взгляд матери, устремлённый в одну точку. Через год друг отца пришёл с бутылкой и разговором. Ещё через год родился седьмой. Его завернули в одеяло, перевязали лентой, как подарок, и передали из рук в руки. «У тебя теперь будет другая мама», — сказала биологическая. «Настоящая», — добавила бабушка. Мальчик не запомнил этих слов, но тело запомнило всё.

Он вырос с ощущением, что место, которое он занимает, изначально принадлежало кому-то другому. Что он — живой заместитель мёртвого. Что каждое утро, просыпаясь в этом доме, он арендует воздух, еду, любовь. И арендную плату нужно вносить ежедневно. Без выходных.

Приёмная мать — женщина с тем самым неподвижным взглядом, который когда-то устремился в одну точку и там застыл, — никогда не била его. Она просто не была тёплой. Она кормила, одевала, проверяла уроки, но всё это — с каменным выражением лица, за которым угадывалась какая-то бесконечная, глухая, непроглядная печаль. Мальчик рос и пытался её рассмешить. Носил пятёрки, мыл посуду, рассказывал смешные истории. Иногда уголок её губ дёргался. Это была его зарплата. Его доказательство жизни.

Шли годы. Мальчик стал мужчиной. Внешне — успешным, подтянутым, с хорошей работой и правильными словами. Внутри — колодцем, в который никто никогда не заглядывал. Он строил отношения с женщинами по одному и тому же сценарию: находил холодную, закрытую, часто эмоционально недоступную партнёршу и начинал её «спасать». Он верил, что если достаточно сильно любить, если быть достаточно удобным, достаточно нужным, — лёд растает. Не таял. Женщины уходили, пожимая плечами. Одна сказала на прощание: «Ты слишком стараешься. Это утомляет». Он не понял.

В тридцать восемь лет он оказался в кабинете психотерапевта. Не потому что хотел — потому что перестал хотеть чего-либо вообще. Апатия накрыла его, как мокрая простыня, — внезапно и плотно.

Часть вторая. Кабинет

— На что жалуетесь?

Мужчина долго молчал, разглядывая корешки книг на полке. Потом сказал:

— Я устал. Просто устал. Ничего не хочу. Раньше я мог заставить себя, я говорил себе: надо, должен, вперёд. Я добивался всего, чего хотел. Если я хочу — я добьюсь. А теперь — пустота. Даже хотеть не хочу.

— Когда вы последний раз чувствовали, что не «должны», а просто хотите?

— Не помню. Может, никогда.

Так началась их работа. Два раза в неделю, потом раз. Мужчина приходил, садился в кресло и начинал говорить — сбивчиво, путано, часто противореча сам себе. Терапевт слушал.

Выяснилось многое. Что биологические родители отдали его и никогда не интересовались. Что это — в порядке вещей для тех мест. Что приёмный отец, дядя Коля, был человеком тихим и пил, а приёмная мать — та самая женщина с застывшим взглядом — стала единственным якорем, единственным объектом любви и единственной недостижимой вершиной. «Я всю жизнь пытался её растопить», — сказал он однажды. — «Всю жизнь».

Терапевт заметил закономерность: каждый раз, когда сессия подходила к чему-то болезненному, мужчина начинал заботиться о терапевте. «Вам, наверное, тяжело это слушать», — говорил он. Или: «Может, я слишком много времени занимаю». Или — молча выбирал самое неудобное время для следующей встречи, чтобы «подстроиться под расписание доктора».

— Вы знаете, что только что снова сделали это? — спросил терапевт однажды.

— Что?

— Вы выбрали время, которое вам неудобно, чтобы мне было удобно.

Мужчина замер. Потом усмехнулся:

— Я даже не заметил.

— А что будет, если вы выберете удобное время для себя? Как вам кажется, я рассержусь? Откажусь работать с вами? Подумаю, что вы — эгоист?

— Я не знаю. Я просто... привык. Так проще. Так безопаснее.

— Безопаснее — быть удобным?

— Да. Тогда меня не бросят.

Часть третья. Женщины и каторга

Прошло несколько месяцев. Апатия понемногу отступала, уступая место чему-то похожему на злость. Мужчина начал говорить о женщинах.

— Я ценю в женщинах красоту, ум, заботливость, верность, чувство юмора, уверенность в себе. И ещё — мягкость. Способность принять. С ней я могу расслабиться, почувствовать себя мужчиной, понимаете? Не просто самцом, а именно мужчиной — тем, кто защищает и одновременно может быть уязвимым. С такой женщиной я чувствую себя сильным. У меня энергия появляется.

— А другой вариант?

— Другой вариант — это партнёрство на равных. Теоретически я понимаю, что это правильно. Что так должно быть. Но практически... — Он замолчал. Потом сказал жёстко: — Практически, это каторга.

— Каторга?

— Да. Когда мы на равных, я не расслабляюсь. Я всё время думаю: а справлюсь ли? а достаточно ли я хорош? а не подведу ли? И она тоже думает. И получается, что мы оба на кортизоле, оба выживаем. Какое уж тут удовольствие? Какая женственность с её стороны? Какая мужественность с моей? Я прихожу домой — и начинается вторая смена. А если ещё и кризис в отношениях случится...

— Что тогда?

— Тогда я не выдержу. Я и так на пределе. Если женщина не даёт мне чувства безопасности, если с ней я должен всё время быть в тонусе, всё время доказывать, всё время пахать — то зачем она мне? Чтобы я окончательно сдох?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.